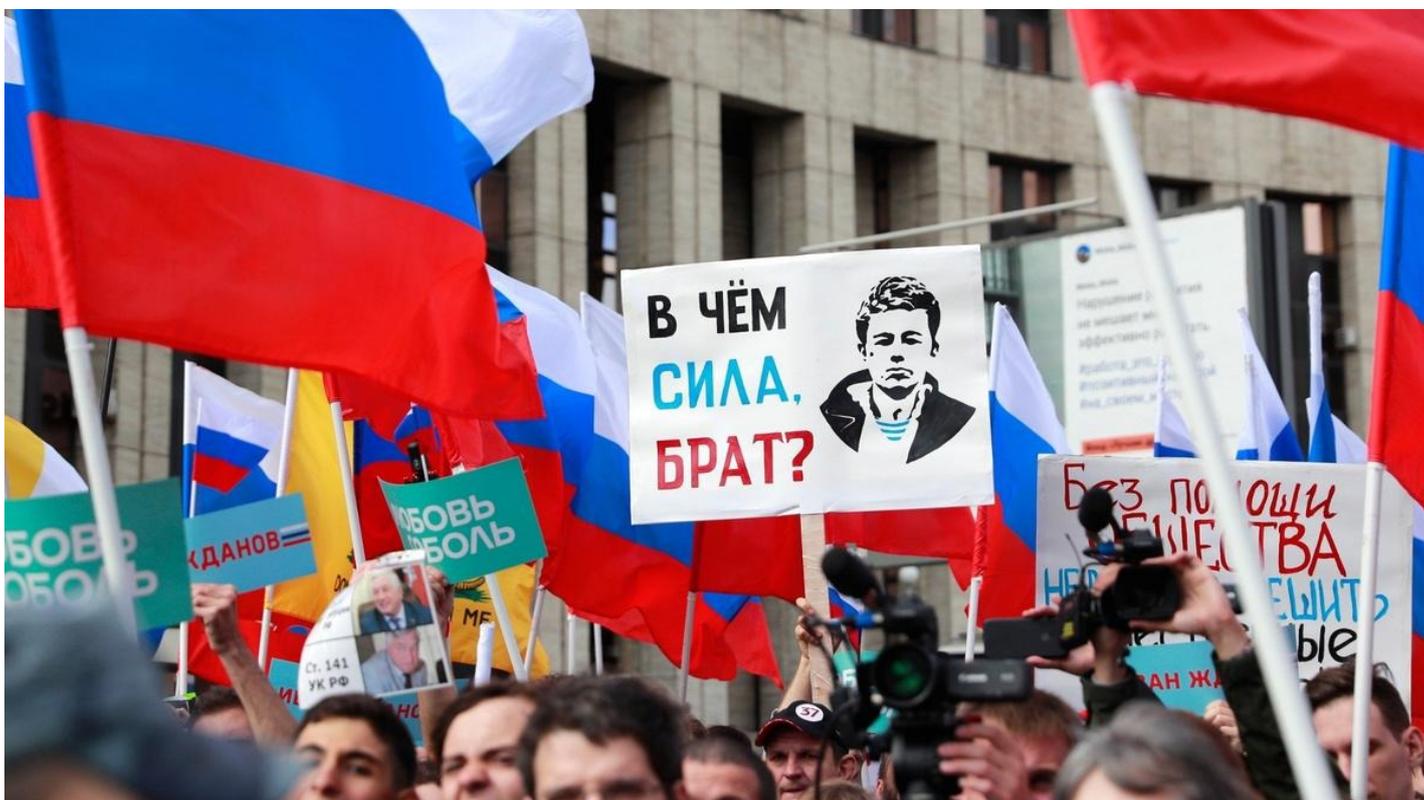

Духу Кремль не интересен

Этот режим — не наследник советского, пусть никого не обманывает форма и забытые практики. О времени отказа от перемен и прогресса

Митинг на проспекте Сахарова в поддержку независимых кандидатов в депутаты Мосгордумы. Фото: Сергей Фадеичев / ТАСС

07:20, 17 мая 2024,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Советский государственный строй был явлением сложным, многополярным в своих идеях и практиках. Это был строй империи, а империя — это всегда явление сложное. Однако имелось и нечто вполне однозначное: человек при советском строе был существом радикально не свободным. Всякое проявление мысли и воли, что не совпадало с центральной советской доктриной, подвергалось репрессиям.

С другой стороны, эта доктрина в целом не была плоха и бесчеловечна. По крайней мере, на последнем своем историческом этапе она заявляла о вещах весьма гуманных: миру — мир, дружба — народам, слава — человеку труда и так далее. Но в отношении человеческой свободы по-своему понимать и трактовать бытие — доктрина неизменно оборачивалась системой репрессий и наказаний.

Когда советский мир начал сворачиваться при перестройке конца 80-х годов, первым и, очевидно, главным нововведением стала свобода. Прежде запрещенные тексты печатались, архивы открывались, репрессии осуждались, а репрессированные реабилитировались. Опьяняющее вдохновение свободой оказалось таково, что практически все были уверены: открывшийся большой мир больше никогда не закроется.

Перед страной разворачивалась перспектива еще непонятного, страшноватого, но крайне заманчивого будущего. И как бы по умолчанию было понятно одно:

возврата к государственной диктатуре и казенной идеологии больше не будет. Эпоха, когда «все идет по плану», канула в небытие.

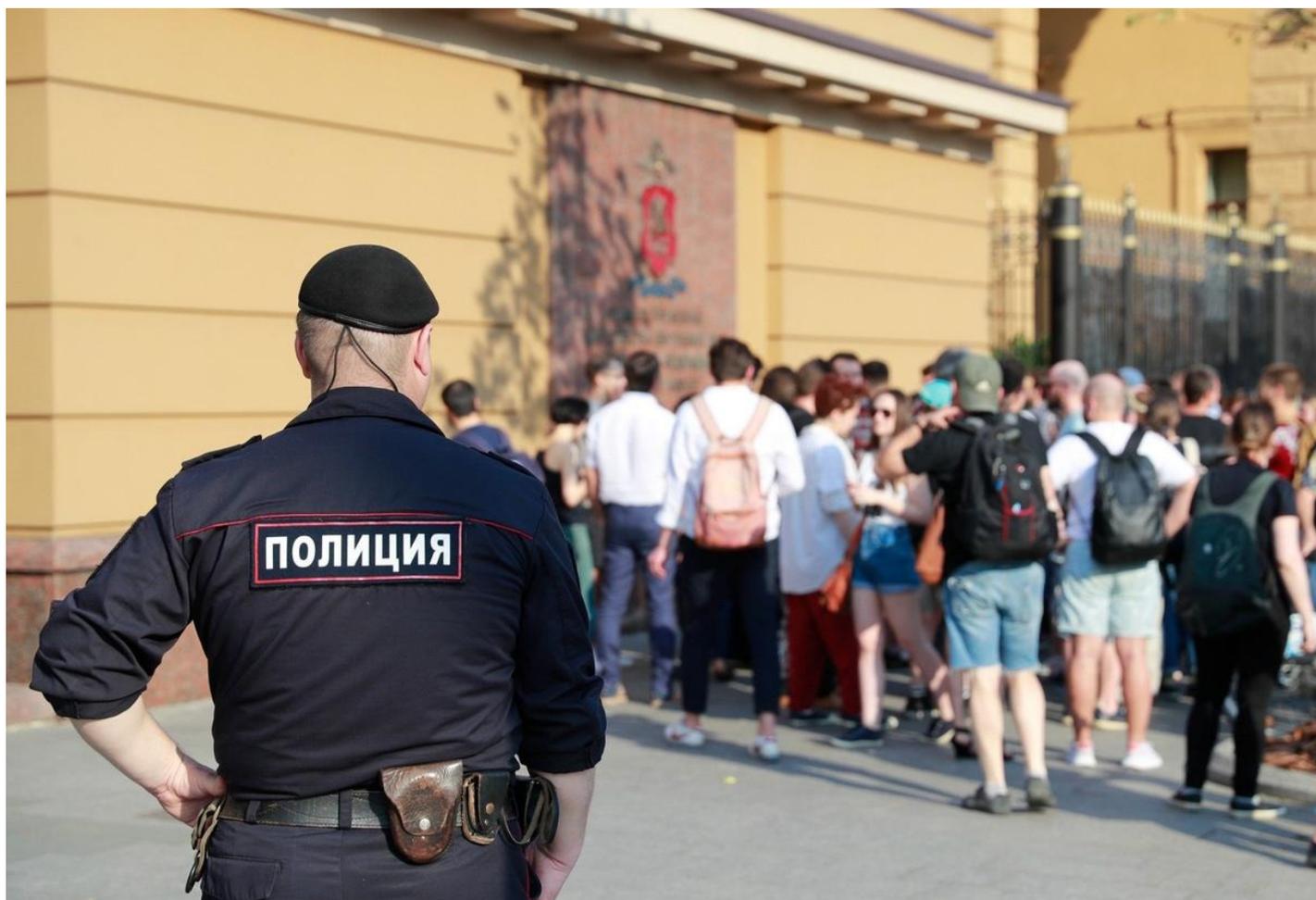

Фото: Сергей Фадеичев / ТАСС

Апофеозом новой постсоветской воли стал август 1991 года, когда сотни тысяч людей вышли на улицы городов в защиту своей свободы.

Однако совсем скоро начали происходить вещи, уже не особенно вдохновляющие. Негласно, исподволь был устранен из политической жизни идейный инициатор «перестройки, демократии и гласности» — Михаил Горбачев. Затем на фоне официального роспуска советской государственной системы случилась осень 1993 года, и был расстрелян из танков мятежный парламент. А в 1996-м состоялись довольно сомнительные президентские выборы. Да, свободомыслие все еще сохранялось, но вот перспективы будущего как-то незаметно потерялись из виду. Страна жила исключительно сегодняшним днем.

Дальше — больше. При назначенном преемнике уставшего и

разочарованного Ельцина стало понемногу — с разных сторон — возвращаться многовековое наследие российских самодержавных и опричинных практик. Окончательный поворот наступил в следующем десятилетии, когда в 2012 году российские граждане снова получили сомнительные выборы и вышли на площади и улицы городов. Еще жила память, что мирный протест способен быть очень эффективным — как в августе 1991-го. Однако все пошло по-другому. Гражданскую волю сначала просто проигнорировали, а затем и разогнали самым прямым силовым способом, с помощью весьма разросшегося к тому времени штата государевых слуг.

Ключевым символом репрессивного поворота станет пластиковый стаканчик, брошенный студентом в бронированного полицейского, — и весьма реальный тюремный срок, который студент за это получит.

Теперь ведущим политическим субъектом страны оказывается не возмущенный гражданин, требующий соблюдения своих прав, но «оскорбленный в своих чувствах» государев слуга.

И «оскорбляться» он теперь будет часто и по самым неожиданным поводам. Ведущим же политическим слоганом-демотиватором станет этот: «Вы что, хотите, как в 90-е?»

Фото: Zuma \ TASS

***

Из всех возникших из СССР государственных новообразований два взяли очевидный курс на восстановление бывшей политической системы с ее абсолютной централизацией власти и репрессивными методами управления. Это Российская Федерация и Беларусь. Обе они отказались от интеграции в сообщество мировых демократий, как это предполагалось еще идеями «гласности» и «перестройки», и активно начали возводить систему национального автократизма. Беларусь — несколько раньше и более откровенно, Российская Федерация — позднее и поначалу более завуалированно: под лозунгами о «суверенной демократии».

Характерно, что, как бы ностальгируя по утраченному «советскому миру», правители и Беларуси, и России совершенно не соотнесли с двумя главными идеями, которыми на теоретическом уровне прежде всего и определялась

«СОВЕТСКОСТЬ»:

1. с идеей «интернационализма»,
2. с идеей «прогресса».

Да, в СССР интернационализм всегда пропускался через весьма жесткие фильтры партийной номенклатуры и в аспекте международной политики был явлением далеко не показательным.

Но в качестве базовой проповедуемой теории он давал рядовому советскому человеку ощущение глобальности и дружелюбности мира, ощущение универсальности основных ценностей и смыслов. В силу этого возникало доверие и любознательность.

Советский человек с уважением и интересом смотрел на иные народы и культуры — даже в тех условиях железного занавеса, когда он сам не мог непосредственно среди них оказаться. Невозможность свободного путешествия компенсировалась усиленным вниманием к описаниям и изображениям мира и его жителей. Советский человек был интернационалистом через книгу, через текст и символический образ. И этого оказалось достаточно для того, чтобы с началом перестройки весьма многочисленная и образованная часть социума с нескрываемым удовольствием приняла перспективу входа в «большой мир».

Что касается идеи «прогресса», то она сопровождала советский проект с самого его начала. Советский проект, по сути, был модернистским, направленным к самым радикальным обновлениям, в итоге которых где-то на совсем уже идеальном

горизонте мерцал призрак общества без принуждения, семьи и государства — призрак коммунизма. Все установки, лозунги и призывы ориентировали советского человека на будущее, на перемены. И это тоже одна из тех причин, по которой перестройка была воспринята как нечто естественное, как нормальная, последовательная ступень прогресса.

Празднование 1 Мая в Москве. Фото: Валерий Христофоров / ТАСС

***

Однако руководство в Беларуси и в России пошло по иному пути, и ставки были сделаны на «патриотизм», «традицию» и «стабильность». На словах заявляли о своей преемственности в отношении СССР, но по факту все существо советского мира было отвергнуто. Оба государства взяли курс на архаику, на племенной «конклав» («закрытая комната» — лат.) вождистского типа. Беларусь раньше, Российская Федерация

позже. Эти трансформации в идеологии и политике привели в итоге к тому, что социумы обеих стран отчетливо раскололись надвое.

- С одной стороны, возникает условная **«партия традиции и патриотизма»**, возглавляемая правящими вождями и их приближенными. Целью партии становится абсолютизация и мифологизация своего властного влияния, которое отождествлено с максимально «общими интересами» всего населения. В случае с Российской Федерацией добавляется претензия расширить это влияние на максимально широкий международный контент.
- С другой стороны, возникает условная **«партия прогресса и перемен»**, во главе которой встает активная часть образованного класса. Здесь целью является освобождение от архаичных установок своих оппонентов как от неприемлемых для просвещения и гражданской субъектности. Представители этой партии ориентированы на тождество «общих интересов» населения с ценностями наиболее развитых и открытых демократических обществ.

Раскол между «партиями» образуется непримиримый, а соотношение весьма неравное. «Патриоты» имеют за собой всю базу экономических, медийных и силовых ресурсов, а «прогрессисты» — лишь собственное воодушевление. Естественно, что «беспартийные» массы населения, привычные к конформизму, мысленно примыкают к тому, за кем стоит большая сила. И по умолчанию поддерживают «патриотов».

***

По всем объективным критериям можно утверждать, что «партия традиции и патриотизма» безоговорочно одержала верх. Авторитаризм незыблем, оппозиция разгромлена, свобода собраний и публичных мнений под абсолютным надзором, а лидеры «партии прогресса и перемен» или вытеснены за

границу, или в тюрьме, или мертвы. Что касается «советского проекта» с его футуризмом и интернационализмом, то он оказался совершенно вытеснен и отменен теми, кто на словах более всего ностальгировал по «великой стране».

Но если мы все-таки полагаем, что у истории есть некая разумная цель, то стоит ее поискать и среди обстоятельств не слишком разумных. А если мы здесь постоянно соотносимся с «советским проектом», то можно и обратиться к самому значимому для этого «проекта» классическому философу — к великому диалектику Гегелю.

Фото: AP / TASS

Исходя из его трактовок, цель истории совсем не тождественна объективным данностям. Главным субъектом исторического процесса выступает «дух». Цель истории — сделать раскрытие «духа» как можно более полноценным. Собственно, эту цель сам «дух» перед ней и ставит. А учитывая, что присутствие «духа»

наиболее ощутимо в явлениях антиномичных, аномальных и в целом не очень спокойных, то какой бы всемогущей и несокрушимой ни казалась окружающая нас объективная реальность — цель истории в ней не заключена. Скорее наоборот: с точки зрения жизни «духа» всякая стабильность и предсказуемость — это верный признак инерции, угасания. И это точно не про раскрытие «духа». Это ему не интересно.

Объективно сильное и военизированное государство успешно подавляет протест своих безоружных граждан — факт предсказуемый, из инерционной логики вполне объяснимый. Большинство населения, именуемое «народом», безразлично на это смотрит. Или не смотрит вообще. Что тоже вполне объяснимо. Но «дух» не там, где все предсказуемо и объяснимо. Как у апостола Иоанна:

«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3:8).

Если инерционная логика «духу» не интересна, то и искать его надо не в «народном безмолвии» и не в торжестве государственной силы, а среди тех, кто силе этой подчиняться не желает — среди тех самых безоружных граждан. Да, их протест объективно обречен на подавление, на запрет, но все же протест происходит. Чем еще объяснить его, как не присутствием «духа истории», который «дышит, где хочет», а не там, где ожидается успех?

Значит ли это, что в подавленных митингах и запрещенных высказываниях мы встречаемся с той целью истории,

что предписана для наших времен? Возможно. Если мы в принципе допускаем, что у человеческой истории должно быть некое предписанное целеполагание. Тогда изучение подавленного и запрещенного имеет прямой смысл.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Гуманисты и патриоты](#)

В чем разница между философиями, которые определяют конфликт вокруг человека

13:55, 26 января 2024, Роман Шамолин